

*«Это не дороги, которые мы выбираем;
то, что внутри нас, заставляет нас быть такими.»
О. Генри, «Дороги, которые мы выбираем»*

Книга об академике Раушенбахе задумывалась в форме биографической повести. Канву сюжета, подобно кольцам на срезе дерева, должны были составить несколько «ключевых» дней из жизни Бориса Викторовича.

Но оказалось, что книга о нем («Постскриптум») уже практически подготовлена к печати. И Борис Викторович на просьбу издателя принять участие в создании книги ответил: «Согласен участвовать в работе над книгой о судьбе российских немцев в рамках серии «Штрихи к судьбе народа»...». В силу этого автор не считал своей целью подробное жизнеописание академика Раушенбаха, уповая на то, что эта задача решена в «Постскриптуме». На первое место вышел «немецкий аспект»...

В конце XIX века, следуя замыслу Александра III, властелина «одной шестой земли с названьем кратким Русь», вышли первые тома Русского Биографического словаря. Примерно 1/6 часть его персонажей, вписавших славные страницы в русскую историю, имели немецкие фамилии. Это отражало свершившийся факт: немцы стали неотъемлемой частью российской действительности. И потому естественно, что «тень люциферова крыла», накрывшая Россию в XX столетии, наложила свою дьявольскую печать и на их судьбу.

Сначала Узаконения царского правительства от 2 февраля и 13 декабря 1915 года и 6 февраля 1917 года вычленили их из верноподданных Его Величества в «неприятельских состоящих в русском подданстве германских выходцев». Затем сталинский геноцид и антинемецкая пропаганда его наследников спрессовали их в отдельный этнос. Почему? Зачем? Что проку от этих вопросов...

Хороший газон, как известно, стригут 300 лет. Человек – не травинка, но не для него ли, уникальной, неповторимой личности, каждый народ создает традиции, хранит свои обычаи? Они играют роль благодатной почвы для развития лучших качеств личности. Славная история собственного народа – не самая ли надежная опора в жизни?!

Увы, долгие годы российские немцы были лишены своего культурно-исторического наследия. И только в последнее время, наконец, вышел целый ряд книг по истории российских немцев. Можно считать, что в общих чертах портрет судьбы нашего народа уже написан. Написан в основном мрачными красками. Иначе не могло и быть – XX век пронесся над нами смерчем геноцида.

Но тем, кто уцелел, их детям и внукам жизнь, хочется верить, дарована для счастья и созидания. А счастье нельзя построить на одних трагических воспоминаниях. Нужны светлые тона, яркие краски. Все это есть в нашей истории. Реальность, созданная волей и энергией лучших представителей нашего народа, дает возможность дополнить описание нашей судьбы жизнеутверждающими штрихами.

Основу I-ой книги серии «Штрихи к судьбе народа» составили биографии российских немцев, сумевших, несмотря ни на что, реализовать свой внутренний потенциал. Это – один из корифеев современной гидрологии Евгений Пиннекер, епископы Католической и Лютеранской церковей Иосиф Верт и Зигфрид Шпрингер, выдающийся атлет XX столетия Давид Ригерт, представитель Президента России по Алтайскому краю Владимир Райфикешт. Их яркая индивидуальность раскрылась благодаря тому, что они сохранили в себе лучшие черты своего народа – энергию, волю, чувство юмора, романтизм... Знакомство с ними дает возможность ощутить, что достойное прошлое немцев России – это не миф, что у достижений многочисленных немецких персонажей Русского Биографического словаря был общий этнический фундамент.

Открывший серию почетный член Германского геологического общества Евгений Пиннекер является основоположником современного взгляда на фундаментальные

проблемы гидрологии. Академик Российской Академии наук Борис Раушенбах – один из создателей ракетно-космической техники. Когда встречаешь подобного человека, невозможно по достоинству оценить его с профессиональной точки зрения. Это и понятно. Стоя внизу, трудно точно определить высоту небоскреба. Зато по силам оценить прочность его фундамента.

Поражает масштаб личности, ее несгибаемый дух, мощь интеллекта, почти физическое ощущение ее внутренней гармонии. Понимаешь, что попытки найти «рубцы» от ударов судьбы бесполезны. Такая Личность – это совершенное творение Природы, а жизнь – всего лишь печь Мастера для обжига его шедевра. Становится очевидным, что если бы, скажем, Давид Ригерт не стал штангистом, он добился бы выдающихся результатов в другой сфере. И деятельность Бориса Раушенбаха – лучшее тому подтверждение. Проблемы горения, управление космическими аппаратами, теология, иконопись – всюду опережающий время результат.

Впрочем, великий О. Генри, один из любимых писателей Бориса Викторовича, уже давно показал, что дело не в том, какие «дороги мы выбираем», а в том, что мы творим на этих дорогах.

Эдуард Бернгардт

Российские немцы – кто они?

Эдуард Бернгардт: Борис Викторович, для начала хотел бы задать Вам вопрос, который я уже задавал

католическому епископу Верту. Тем более что вижу у Вас на столе книгу Владимира Соловьева, автора работы "Русская идея", где проводится мысль, что функция, возложенная Богом на ту или другую нацию в этой жизни, – это и есть ее истинная национальная идея.

Вопрос заключается в следующем: если это так, то какую миссию и насколько успешно реализовали российские немцы?

Епископ Верт, если кратко сформулировать, ответил так: "Кто-то должен страдать за все то зло, что совершается в мире. Вот российские немцы и осуществляли эту благородную миссию". А лютеранский епископ Шпрингер, когда это прочитал, сказал, что ответил бы по-другому: "На самом деле мы, российские немцы, не выполнили задачу, которую на нас возлагали, потому что нас приглашали сюда, чтобы повлиять на жизнь этого государства. Но мы самоизолировались, жили сами для себя. Поэтому Господь и сделал то, что сделал". Вот такие две точки зрения.

Борис Викторович Раушенбах: Они, на мой взгляд, неправильны – как крайние точки зрения. Есть как бы два класса российских немцев – крестьяне и интеллигенция. Крестьяне действительно самоизолировались в степях, а интеллигенция... Простите, но половину петербургской интеллигенции составляли немцы! И купечество было немецкое – не целиком, но значительная часть. Даже у Пушкина постоянно упоминаются немцы.

Бернгардт: Естественно – хотя бы потому, что если он пишет о своем прадеде-эфиопе, то должен помнить и его жену – свою прабабку-немку.

Борис Викторович: Возьмите любого русского писателя, и Вы увидите, что немцы у него всегда играют какую-то роль. Были колонисты, варившиеся в собственном соку, но были и немцы, которые стояли во главе государства. Возьмите царских министров – из них половина были немцами. То есть я бы не стал так категорично говорить. Было и то и другое.

Бернгардт: А все-таки, как бы Вы сами ответили на этот вопрос? Мы свою миссию выполнили? И вообще, была ли она, эта особая миссия?

Борис Викторович: Я думаю, что никакой особой миссии не было. Просто было желание приобщить Россию к европейской культуре, и поэтому приглашали немцев, голландцев, англичан – кого угодно. Но реально можно было "импортировать" только немцев, потому что в Германии в то время шли войны и народ оттуда бежал. Это во-первых. Во-вторых, сами русские цари были немцами – Екатерина II и так далее. И для них приглашать немцев было совершенно естественно. До какого-то года еще в прошлом веке заседания Академии наук в Петербурге шли на немецком языке, потому что большинство академиков были немцы. Это в какой-то мере ответ на Ваш вопрос.

Во всех слоях русского общества был свой "немецкий" элемент, но в разных слоях он действовал по-разному. В сельском хозяйстве, как правило, не было такого, что стоит, скажем, мельница, на ней один работник немец, а остальные – русские. Были отдельные сельские немецкие колонии. А вот интеллигенция, промышленники, военные, дворянство – среди них немцы были широко представлены, особенно в Петербурге. Потому что Петербург был окружен прибалтийскими землями, во главе которых стояли немецкие бароны, потомки крестоносцев.

Бернгардт: Что касается немецких колонистов, особенно в Поволжье, то они на первых порах выполняли функцию своеобразного буфера, "живого щита" окраин Российского государства.

Борис Викторович: Да, они были буфером и знали об этом. Поначалу даже в поле ходили вооруженными. Когда-то была масса историй на эту тему. Мне отец рассказывал про одного мальчика, которого захватили кочевники и вместе с другими отправили в

рабство. Мальчишка бежал через страшные препятствия, вернулся, все рассказал, была погоня. Это действительно имело место и показывает, в каких условиях жили колонисты. Там не было никакого рая. Это была жесткая жизнь, и они выполняли роль защитников Русского государства.

Бернгардт: И при этом, как писал в начале века в своей книге "История поволжских немцев-колонистов" Яков Дитц, с колонистов еще взимали долги за угнанных в плен. Ссуды, которые государство давало переселенцам, были возвратными, и уцелевшее население колонии всем "миром" расплачивалось за тех, кого кочевники убили или угнали в рабство.

Борис Викторович: Да... Но кому, я задумываюсь, это сейчас интересно? Немцев же почти не осталось в России.

Бернгардт: Молодежи, может быть, и малоинтересно, но более зрелым людям, после 30-40 лет, это интересно. Наступает такой возраст, когда вдруг появляется интерес к своим корням.

Вера Михайловна Раушенбах: А сколько примерно немцев осталось в России?

Бернгардт: Трудно сказать. Если судить по высказываниям г-на Гуго Вормсбехера, то миллионов семь.

Борис Викторович: Что-то очень много.

Бернгардт: А у него такая теория. Он учитывает жен и мужей в смешанных браках, их детей, внуков и так далее. А реально, я думаю, можно вести речь о тысячах 600.

Борис Викторович: То есть грубая оценка – где-то миллион. Я так и считал.

Бернгардт: По последней переписи в РСФСР их было около миллиона. С этого момента в Германию "чистых" немцев уехало, наверное, около половины. Но если учесть прирост за эти 10 лет, миграцию из Казахстана и Средней Азии, то, думаю, тысяч 600 получится.

Борис Викторович: Да. Но они вымирают – в том смысле, что ассимилируются. Вот, к примеру, мои дети. Они уже не немцы, хотя и были в Германии. Внучка тоже была и по-немецки говорит, но... все равно – это уже не то.

Я сделал так, чтобы все мои близкие побывали в Германии. Поэтому там были и моя жена, и дочери, и внучка, осталось только внука свозить. Внучка пару лет назад – не знаю, как сейчас, – свободно говорила по-немецки. Она жила в Германии 3 месяца в порядке какого-то обмена. Дети быстро осваивают язык. Я ее брал еще, когда ей было лет 8, и она там с детьми играла. Сейчас она в университете учится, языковой практики никакой. Но она говорила для русских, я считаю, очень хорошо.

Бернгардт: Как-то мне довелось слышать рассказ о ситуации с родным языком у немцев Канады. Первое поколение, чтобы закрепиться на новом месте, усиленно изучает новый язык, осваивает местные обычаи. Второе в этом преуспевает и вдруг обнаруживает, что начинает утрачивать свои национальные традиции. А третье поколение уже вынуждено прилагать большие усилия для восстановления родного языка. Но мотивация-то у него не такая жизненно важная, как была у первого поколения, да и условия совершенно иные.

В этом смысле мы не исключение. Ассимиляция идет полным ходом, как результат государственной политики нашей страны, как плата за успешную интеграцию в среду обитания. Хотя фамилии остаются.

Я, например, немец наполовину, жена у меня русская, значит дети – уже немцы только на четверть, то есть по сути русские. Но тем не менее в детстве им за фамилию доставалось: "А ваш дедушка Ленина убил!" и так далее.

И, скажем, если сравнивать с тем, как здесь живет, например, евреям, то лица немецкого происхождения не могут чувствовать себя так вольготно.

Борис Викторович: Нет, конечно.

Бернгардт: Поэтому главная задача нашей серии "Штрихи к судьбе народа" – "реабилитация" слова "немец" на территории России.

Борис Викторович: Восстановление репутации, которая была испорчена войной.

Бернгардт: Совершенно верно. Российские немцы это уже сделали своей достойно прожитой жизнью, и теперь надо рассказать о них. Показать всем, что "не так страшен немец, как его малюют".

Чтобы наши потомки, пусть они сто раз ассимилируются, чувствуют себя русскими или корейцами, кем угодно, могли как личности гармонично развиваться. Чтобы немецкая фамилия их окрыляла, а не давила страшным прессом.

Вера Михайловна: Я думаю, та эпоха, когда немецкая фамилия воспринималась в штыки, прошла и больше не вернется.

Бернгардт: Я бы сказал более осторожно: только начинает проходить.

Вера Михайловна: Но она не вернется. Это уже другой этап развития истории.

Бернгардт: Дай-то Бог...

Кое-что о генеалогии

Эдуард Бернгардт: Борис Викторович, расскажите, пожалуйста, о своих предках. Начнем, наверное, с материнской линии?

Борис Викторович Раушенбах: Моя мать в девичестве носила фамилию Халлик. Она жила на острове Эзель (Сааремаа), в городе, который по-эстонски сейчас называется Курессааре. Там в центре стоял замок, и город по замку назывался Аренсбург. Так было в царской России, когда в Эстляндии имели хождение немецкие, а не эстонские названия.

Я там бывал в 22-24-м годах, когда из Советского Союза еще можно было выезжать. Это кончилось в 25-м году. Мы на дачу туда ездили. Было дешевле ездить на дачу к близким матери в Эстонию, чем снимать ее под Ленинградом. Потом все закрыли: "граница на замке" – такой, кажется, был лозунг. А в 22-24-м было легко: садишься – и едешь.

Отец присылал туда деньги из Ленинграда, они переводились на эстонские марки, и мы там на шее у родственников не сидели, только не платили за жилье. Мать была у себя дома. Бабушка еще тогда была жива, дедушка был жив. Я их хорошо помню.

Бернгардт: Они, наверное, хорошо говорили по-эстонски?

Борис Викторович: Конечно! И мать хорошо говорила. В этом городе все говорили либо по-эстонски, либо по-немецки, а по-русски – только чиновники. Делопроизводство ведь было на русском языке. Не помню, на каком языке шло преподавание в гимназии. Наверное, все-таки на русском. Но было и несколько школ. Во всех школах (например, в Töchterschule для девочек) преподавали только на немецком языке.

Мать, когда выросла и приехала в Петербург, хотела устроиться на работу кем-то вроде бонны в одну семью, куда ее пригласили состоять при детишках. И ее первым впечатлением было, что это город невероятно высокой культуры. Почему, спрашивается? Потому, что в нем "даже извозчики умеют по-русски разговаривать!" (*Дружный хохот.*) Она потом со смехом рассказывала, что на нее это очень большое впечатление произвело. Действительно, невероятная вещь, если учесть, что у них по-русски разговаривали только чиновники и очень образованные люди.

Бернгардт: А как ее звали?

Борис Викторович: Леонтина. По-немецки – Леонтине. Деда звали Фридрих, поэтому по-русски она была Леонтина Федоровна. А бабушку звали София. Мать была где-то с 1886-1890 года: когда в 17-м родилась моя сестра, ей было 30 лет плюс-минус два года. А когда родились ее родители, я не помню. Когда я их увидел, им уже было много лет. Старушка и старичок, на глаз лет 70, наверное.

Сохранились кое-какие семейные фотографии, но не у меня, а у сестры – мы жили в Москве, а она оставалась в Ленинграде. Все, что у нас здесь есть, мы сами приобретали. Ничего с прошлого века у нас нет.

Дед, Фридрих Халлик, был купцом. Видимо, довольно-таки крупным до революции. У него была лавка на окраине города. Большая, в несколько окон. И торговал он всем, что нужно в хозяйстве. Я бы сказал – хозмаг, но там можно было и тетрадки купить, и карандаши и так далее.

Когда он умер, его старушка считала, что надо продолжать дело, хотя толку от нее никакого не было. Мой дядя, ее сын, лавку эту закрыл и оставил один такой маленький закуточек, как пенал, где сидела бабка. К ней никто не ходил, но она сидела – продолжала *Дело*. Туда был узенький вход, и она там "торговала". И была страшно довольна, что ведет жизнь купеческой вдовы.

Мой дядя (у него тоже была купеческая хватка) после гражданской войны стал развивать это дело: купил и оборудовал магазин канцтоваров. А перед войной они все рванули в Германию. Дедушка с бабушкой уже умерли к тому времени.

Я пытался найти их могилы. Учинил целые поиски, когда был гостем Эстонской Академии наук. Местный горком партии "поставил всех на уши", чтобы найти могилы

моих деда и бабушки. Не нашли. Видимо, перестали ухаживать, и они пропали. По указанию горкома даже разыскали старика, который когда-то работал на этом кладбище. Но где эти могилы, он не помнил, слишком много лет прошло.

История немецкого населения в Эстонии очень сложна. По-разному немцы туда попадали, и по-всякому складывались их судьбы. А о том, что было, когда перед войной Эстонию присоединяли к Советскому Союзу, мне рассказывал мой двоюродный брат, с которым мы встретились в Германии.

Все было тихо, они жили в маленьком эстонском городе. Была страна Эстония. Но однажды они видят: на рейде встали немецкие суда. Пассажирско-торговые, не военные. Одно, другое, третье... Стоят, ничего не грузят, не разгружают, народ удивляется. Уже подписан пакт Риббентропа-Молотова (23.08.1939 – прим. авт.), и вдруг им говорят, что любой немец может выбрать – остаться или ехать в Германию. Если он хочет ехать, то должен сесть на эти корабли, а багаж пакуется и сдается на железную дорогу. Они, конечно, решили не оставаться, поскольку жили в России во время гражданской войны и знали, что это такое. Уехали в Германию. Там им тоже пришлось туго – шла война, и они потеряли все, что у них еще было.

Корабли пришли специально, чтобы забрать немцев, это все было обговорено заранее. Родственники сели и уехали, а через месяц получили свое имущество, стулья и столы по товарным квитанциям. Советские власти (не Советские, а Эстонские власти – прим. авт.) сделали все так, как договорились с немцами.

Я нашел близких после войны, когда стал ездить в Германию. Нашел очень просто. По некоторым данным я знал, что они должны быть в Гамбурге. Когда приехал в Гамбург, взял в гостинице телефонную книжку – весь Гамбург там. Нашел их фамилию, посмотрел по именам, они совпадали. Я набираю номер и (смеется) говорю: "Здравствуйте". Попал к Конраду, своему двоюродному брату. "Вы такие-то?" – "Да". Я еще что-то спросил. Он: "Это кто, Борис?" (Смеется.) Сразу! Ну, во-первых, у меня прибалтийское произношение, которого в Германии нет. То есть он понял, что говорит свой, прибалт. А кто из прибалтов может его спрашивать? Кроме меня – никто.

Я у него был, мы вспоминали молодые годы. Мы одноклассники, играли вместе. Сейчас он, к сожалению, уже умер, но младший брат его до последнего времени был жив. Конечно, у них есть там и дети, и внуки. Причем один внук носит имя Борис, но не думаю, что это в честь меня.

Что касается моих предков по линии отца, то там все просто – это были крестьяне из Поволжья, нынешнего Марксовского района Саратовской области. Поэтому я в 17-м году и попал в Маркштадт (тогдашний Екатериненштадт).

В Петрограде были волнения, стреляли, шла революция. Отец решил, что хорошо бы на лето убрать семью подальше от бурлящего Петрограда. Стрельба была серьезная, у нас была обстреляна квартира, прострелены пулями картины. Так они и висели до войны. Поэтому мы подались на Волгу, там было тихо.

Но когда мы туда приехали, началась революция, и мы застряли там на 3 года, мать и я (и сестра Карин – прим. авт.). Отец все это время был в Петрограде, а в конце 20-го года он за нами приехал, и я хорошо помню отъезд.

Приезд туда я помню плохо: 17-й год, мне было года два с половиной. Помню только пароход и каких-то девиц, как я теперь понимаю, лет 20-ти. Им было интересно, что возле них бегает какой-то маленький мальчик. Они спрашивали: "Мальчик, тебе сколько лет?" Я отвечал: "Пять!" Это было единственное число, которое я знал. Они удивлялись: "Пять, а такой дурачок!" Тогда им объяснили, что не пять, а два с половиной. Они восхитились и подарили мне фарфоровую овечку, с ней я играл очень долго.

Мне повезло: я жил на Волге, где было хорошо в смысле питания, а Петроград был голодный. И когда я вернулся туда, там стало нормально, а на Волге начался голод. Так что я удачно избежал голода.

Когда мы приехали на Волгу, дедушки с бабушкой уже не было. Знаю только, что деда звали Якоб, потому что отец – Виктор Яковлевич. По семейным преданиям, мой отец был нелюбимым сыном. Я не знаю причины, но дед не любил его. Поэтому дед готовился к тому, чтобы передать хозяйство старшему сыну, моему дяде. Дядя вел хозяйство, впоследствии к нему все и перешло. Сам он был пьяницей и все в конце концов пропил, но это было потом.

Хозяйство нельзя было делить, поэтому моего отца отправили в Германию учиться. Ну и слава Богу! Там он выучился на кожевенника, по-нашему – кончил кожевенный техникум. Из Германии вернулся уже в Петербург – что там дома было делать? Устроился на фабрику "Скороход", это была немецкая фабрика.

Немцами были директор, все мастера, и они по-немецки разговаривали между собой. Рабочие, конечно, были русские. В Питере заводы принадлежали, в основном, иностранному капиталу. Были заводы французские, немецкие. Так вот, "Скороход" принадлежал немецкому капиталу. Там даже были свои немецкие порядки, был прекрасный кегельбан. Мастера после смены собирались в кегельбане, пили пиво и гоняли шары. Просто такой немецкий островок.

Потом, когда произошла революция, и даже раньше, когда началась война, немцев стали вытеснять. Те, кто были подданными Германии, были вынуждены смотаться, а немцы российские – их зажимали очень, и отца моего тоже. Тогда все эти немецкие фокусы с пивом, кегельбаном и прочим кончились. Но многие мастера остались, деваться-то некуда. И отец остался.

Во время революции директор сбежал. Отца выбрали техническим директором кожевенного завода – тогда руководителей производства выбирали. Был "красный директор", который ничего не понимал, и был директор по технической части.

Бернгардт: В Маркштадт вы ездили к брату отца?

Борис Викторович: Нет. Возможно, родственники отца и играли в этом какую-то роль, но я не помню, чтобы когда-то шла речь о его брате.

Отец привез нас к каким-то своим знакомым, с их помощью снял маленький однокомнатный домик. И мы там жили – мать, я, сестра, она на два года младше меня. Никаких удобств там не было, даже, извините, сортира. Я бегал за дом, если была надобность, и за забором, сняв штаны, делал все, что полагается. Я это к тому, чтобы показать наш образ жизни.

Мать там работала, хотя вообще-то была домашней хозяйкой. Несмотря на то, что шла гражданская война и была уже Советская Россия, почта функционировала, и отец присылал нам деньги. Но вышло какое-то решение ЦК партии о том, что "кто не работает, тот не ест" и что все должны трудиться. Мать пошла в исполком машинисткой, хотя до этого она никогда не печатала. Но там научилась постепенно. Несколько дней посидишь – научишься. И потом, она могла грамотно писать по-немецки. Кроме того, писала и по-русски. Не уверен, что грамотно, но, во всяком случае, русский она тоже знала. Но это было недолго, несколько месяцев. Видимо, потом указ о трудовой повинности отменили.

А пока она работала, я ходил к ней. Машинистки давали мне катушечки от машинки, и я ими играл. Машинисток я не помню, а катушечки запомнил.

Так что жили мы, как я сейчас понимаю, в основном на средства отца.

Отец приехал за нами осенью 20-го, раньше туда невозможно было проехать из-за войны. Я запомнил его пребывание там по одной истории. Однажды он мне сказал: "Слушай, а ты хочешь птичку поймать?" – "Конечно хочу!" – Какой же ребенок не хочет поймать птичку? – "Ну пойдем птиц ловить". Я говорю: "А куда?" – "На Волгу, куда же еще? Только надо взять с собой соли".

Взял он немного соли, и мы пошли с ним птиц ловить. Пришли на Волгу, он говорит: "Видишь – птички? Так вот, имей в виду, что стоит только насыпать птичке соль на хвост, как она сразу ручной становится. Ты незаметно к ним подползай и сыпь. Как только насыплешь, можно брать ее руками, играть с ней и делать все, что хочешь". И я пополз

(хохочет) с солью ловить птиц. А он сидел в стороне и "угорал", но внешне у него был очень серьезный вид.

Ни одной птицы я не поймал, и всю обратную дорогу он мне говорил: "Ну что ж ты! Я в детстве столько птиц поймал, а ты такой (смеется) болван растешь, не смог такую простую вещь сделать – птице на хвост соль насыпать. Что же из тебя выйдет?"

Это в какой-то мере показывает характер отца.

Бернгардт: Наверное, хороший был характер, легкий?

Борис Викторович: Да, он был очень добрый.

Умер он в 30м году, когда мне было 15, а ему – 60. Он рано умер. Для семьи это был очень сильный удар, все же на нем держалось. У матери-то никакого образования не было, а мне всего 15 лет.

Бернгардт: У Вас с ним были хорошие отношения?

Борис Викторович: Очень.

Бернгардт: Вы могли с ним обсуждать что-то серьезное?

Борис Викторович: Что можно обсуждать с 10-летним парнем, кроме игр? Когда мне было уже ближе к 15-ти, я почувствовал, что отец хочет годам к 20-ти передать мне свой жизненный опыт, но он ничего не успел сделать. Мы начали с ним в разговорах обсуждать более серьезные вещи, но судьбе было угодно распорядиться по-другому...

Меня и сестру фактически вытянула мать. Она была очень энергичная, работающая, хорошо умеющая организовать дело женщина.

Мы жили за счет жалкой пенсии, ее не хватало ни на что, и она давала уроки немецкого языка. У нее была страшная нагрузка, она бегала по урокам с утра до ночи. Кроме того, еще надо было где-то работать официально, и она устроилась регистратором в поликлинику. Но что получает регистратор, сидящий при входе? Не больше санитарки. Единственное преимущество этой поликлиники было в том, что она находилась в пяти минутах ходьбы от дома.

Вера Михайловна Раушенбах: Это во-первых, а во-вторых, медперсонал имел 6-часовой рабочий день.

Борис Викторович: Может быть. Такие тонкости я тогда не улавливал, потому что носился где-то с мальчишками по своим делам.

Бернгардт: То, что она преподавала немецкий язык, как-то сказало на Вашем обучении?

Борис Викторович: На обучении никак не сказало, но это давало возможность нас кормить. У нас была бедная семья. Мы очень скудно ели: никогда не было мяса, колбасы, сыра, масла, всегда только маргарин. Мать варила что-то вроде джема, и мы его мазали на хлеб.

Но несколько раз в год, на день рождения сестры, или на мой, или матери, когда приходили гости, у нас на столе появлялись масло и сыр. И это был для нас праздник не только по форме, но и по сути, потому что мы получали какую-то невероятную еду экстракласса. Хотя, как я сейчас понимаю, это была просто нормальная еда.

Бернгардт: Все познается в сравнении.

Борис Викторович: Конечно. В общем, нас вытащила мама.

Бернгардт: Вы как-то говорили, что она присылала Вам посылки в трудармию?

Борис Викторович: Да, она два раза (*Гораздо чаще, как вспоминает Карин Викторовна во второй части этой книги. – прим. авт.*) присылала мне посылки с Алтая.

Вера Михайловна: Дело в том, что она выросла в Эстонии и прекрасно вязала. Это им очень помогло. На деньги, что получала сестра Кара, закупали шерсть, и мать вязала роскошные шерстяные платки. Именно это давало им возможность там жить и даже отправлять посылки. Мне они тоже в феврале прислали посылку, где была крупа, миска замороженного масла и замороженного молока.

Бернгардт: Вы совместно с ней никогда не жили?

Вера Михайловна: Она жила в Ленинграде, а мы в Москве.

Борис Викторович: Мы встречались и здесь и там, но не жили вместе.

Вера Михайловна: Когда Борис и Кара выучились, они скинулись и с первой зарплаты купили маме путевку в Сочи. Это было для нее такое счастье!

Борис Викторович: Первый раз в жизни поехала на курорт – "как барыня".

Вера Михайловна: Она всем рассказывала: "Мои дети на первые заработанные деньги купили мне путевку".

Бернгардт: А как правильно зовут Вашу сестру?

Борис Викторович: Карин, это шведское имя. Моя мать, как все эстонцы и вообще прибалты, очень любила Швецию. Когда-то они входили в состав Шведского королевства, и для них Швеция – предел мечтаний. Поэтому и меня, и сестру назвали шведскими именами.

У меня имя Ивар, а второе – Борис. Но пастор записал в метрике наоборот: Борис Ивар. Поэтому я стал Борисом. А у сестры правильно записано: Карин Елена. Но все ее называют Карина, потому что для русского уха Карин – это мужское имя, а не женское.

Бернгардт: Когда Вам было уже 14-15 лет, отец обсуждал с Вами какие-то политические темы: революция, положение в стране и так далее?

Борис Викторович: Нет, он считал, что я слишком мал для этого. Но отец всегда ругался, что кругом бесхозяйственность...

Бернгардт: Да, типичная тема для брюзжания, тем более у немца.

Борис Викторович: Ходил и ругался: почему здесь куча мусора, как она сюда попала, почему лежит и до сих пор (*смеется*) не убрали? Вот это он очень переживал. Ему было больно, что нет порядка, нет хозяина. Был бы хозяин – дворники бы тут же прибежали и убрали.

Не то что он меня учил, просто у него иногда срывалось. Выражал свои эмоции, и если я в этот момент был рядом с ним, то их частички "падали" и на меня. А так никаких политических или исторических (что было раньше, что позже) разговоров не было. Может, он боялся, что я, как маленький, где-нибудь начну болтать, а это...

Бернгардт: ...к тридцатому году уже было чревато.

Борис Викторович: Это всегда было опасно. И он понимал, что лучше держать меня от всего этого подальше.

Бернгардт: А когда отец приходил с работы, что он делал? Любил читать или...

Борис Викторович: Он приходил домой очень вымотанным, усталым. Иногда, ложась спать, читал какую-нибудь немецкую книжку. По-русски он не читал, насколько я помню. А обычно нужно было что-нибудь делать по дому, мать всегда требовала. Знаете, как это в семье бывает...

Вера Михайловна (*тихо*): Вот видишь...

Борис Викторович: Но я же не говорю, делал он или нет!

Вера Михайловна: Делал, делал...

Бернгардт: Но на первом месте для него, наверное, была работа на производстве?

Борис Викторович: Конечно. Причем это всегда были сильные и очень отрицательные впечатления. Он считал, что все идет под гору. Все разваливается, разрушается, то, что было хорошего, уничтожается, а новое – одно барахло. И он был прав по-своему, потому что это действительно было время, когда дисциплина падала, снижалось качество продукции, и прочее, и прочее. Он все это наблюдал и очень тяжело переживал.

Бернгардт: А мать успевала что-то читать?

Борис Викторович: Она всегда варила, шила или еще что-то делала. Я не помню, чтобы когда-нибудь видел ее с книгой в руках. У нее физически не было на это времени.

Но она ни разу в жизни мне ничего не запретила. Не было такого: "Не смей! Нельзя! Это нехорошо!" Понятно, что воровать, например, нехорошо. Но воровать я не собирался, просто хотел пойти туда-то, с тем-то. И всегда слышал от нее: "Делай как хочешь!" Даже когда я в Москву уезжал (это было неожиданно для нее), она так же сказала. Это чтобы я

потом никогда не смог сказать, что из-за матери чего-то не достиг. Я думаю, что она правильно делала.

Умерла она в 1951 году. В 50-м родились наши девочки, и когда им было полтора года, мы поехали показать их бабушке. Она их видела, у нас даже фотография есть...

Бернгардт: Вы упоминали, что еще в школе знали Бруно Артуровича Фрейндлиха.

Борис Викторович: Мы учились с ним в одной школе ("Reformierte Schule"), но он был старше меня. Старшие младших не помнят, а младшие старших помнят.

Бернгардт: Он участвовал в каких-то школьных спектаклях?

Борис Викторович: В драмкружке. У нас был хороший драмкружок, им руководил актер из Ленинградского ТЮЗа. Они ставили пьесы, я помню только одну, но она показывает уровень драмкружка: "Проделки Скапена" Мольера. Я это запомнил, потому что Скапена играл мой друг – Алька Регель. Он был удивительный артист. Таланты в нем были заложены потрясающие...

Бернгардт: А Бруно Артурович тоже выделялся?

Борис Викторович: Там все выделялись. Несколько человек были просто с огромными талантами. Бруно Фрейндлих, Альфред Регель, еще кто-то, фамилии которых я сейчас уже не помню.

Бернгардт: Бруно Фрейндлих стал впоследствии народным артистом СССР, а как сложилась судьба Вашего друга Альки?

Борис Викторович: Он исчез в 37-м, и я думаю, что его расстреляли. Когда мы учились уже где-то в классе восьмом, надо было думать, что делать дальше. Он решил, что пойдет в мореходку, станет капитаном, и подал документы. Но всех послали на корабли, а его – нет. Почему? Его старший брат был морским офицером и погиб во время Кронштадтского мятежа. В этом мятеже он даже командовал линкором "Андрей Первозванный". И стоило Альке заполнить анкету, как выяснилось, что его родной брат – один из активных участников мятежа. Все было предreshено... А он хотел на флот, – видимо, в память о брате.

Я помню, мы играли его парадным палахом, который хранился в семье. Упругая сталь приятно гнулась, на ней были выгравированы броненосцы...

Поскольку на флот его не брали, он, как искатель приключений, завербовался на два с половиной года в Туркменистан на какую-то научную станцию изучать движение песков. Его делом было измерять высоту барханов с разных точек. Оттуда он вернулся, но потом вдруг исчез.

Кстати, отец Альки Роберт Регель происходил из известной научными традициями семьи (его отец и старший брат, *(то есть Алькины дед и дядя – прим. авт.)*, были крупными учеными). Он был создателем Ботанического сада в Сухуми, стоял у истоков будущей Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук. Умер в гражданскую войну от тифа...

Бернгардт: Я смотрел в Ленинской библиотеке литературу на фамилию Раушенбах: там есть и Вера Михайловна – ее раскопки.

Борис Викторович: Да, раскопки. Потом там есть я, есть другие, в частности преподаватель немецкого языка Валентин Эдуардович Раушенбах.

Вера Михайловна: Он пытался как-то на нас выйти и тоже просматривал библиографию в Ленинке. И решил, что В.М. Раушенбах – это как раз и есть...

Борис Викторович: Я!

Вера Михайловна: Да. Но однажды наша дочь Оксана была на конференции в Пушкино, и там делал доклад какой-то Раушенбах. В перерыве она подошла к нему и сказала: "Я тоже Раушенбах". Таким образом она познакомилась с сыном Валентина Эдуардовича, а потом уже мы познакомились с Валентином Эдуардовичем и Эльвирой Сергеевной. Они у нас бывали, мы к ним в гости ходили.

Бернгардт: Если брать по годам, то самая старая раушенбаховская работа там датирована 1854-м годом. Раушенбах, кажется, Фридрих Карлович...

Борис Викторович: Очень может быть. Я этим не занимался, но Валентин Эдуардович занимался историей семьи очень тщательно и установил, что в Россию приехал только один Раушенбах, в конце XVIII века. Карл Фридрих Раушенбах. Приехал он из Саксонии, из района Лейпцига, через такой-то порт и так далее. Все у него там записано.

Бернгардт: Через Любек, наверное.

Борис Викторович: Да, в конечном итоге, видимо, через Любек, но "стартовал" он из порта Рослау на Эльбе. Когда я был в Германии, то поехал в этот город. Специально. Пошел на реку и пытался ощутить себя первопроходцем, который рванул в Россию.

В Россию в тот момент ехали всякие голодранцы, поскольку только что кончилась Семилетняя война, Германия была разорена, есть было нечего, и люди были готовы ехать куда угодно. Кто-то уехал в Америку, а часть рванула в Россию, и мой предок тоже.

Но! В Россию Екатерина предпочитала брать семьи, и надо было срочно жениться. Потому девицы в портовых городах были нарасхват. Приходил молодой парень, хватал первую попавшуюся девицу, которая согласится. Так и мой предок схватил какую-то девицу (я знаю ее имя и все прочее, у меня это где-то записано (*София Фредерика Грунен (см. Приложение III) – прим. авт.*)), и они быстренько сыграли свадьбу. У меня есть копия брачного свидетельства моего суперпредка, взятая в церкви. Как только они поженились, то рванули в Россию, и дальше уже начинается российская часть истории.

Городок, прямо скажем... В общем, ничего хорошего. Он тогда в ГДР входил. Я походил-походил, и меня вдруг страшно потянуло в Россию. Прямо (*смеется*) как моего предка!

Вера Михайловна: Мы все время думали, что, кроме Бориса Викторовича, других Раушенбахов больше нет. Но после того, как его стали по телевидению показывать, нам начали писать разные Раушенбахи со всех концов Союза.

Борис Викторович: И даже удавалось установить степень родства.

Вера Михайловна: В районе Херсона нашелся его двоюродный брат.

Борис Викторович: Двоюродный брат, которого я никогда не знал. Наш дед после смерти моей бабушки женился вторично, на своей служанке, и от второго брака пошли дети, которые от детей из первой семьи были отделены, может быть, 20-ю годами с лишним. Поэтому "ранние", если можно так выразиться, Раушенбахи держались вместе, а этих они не то что не признавали, а просто не имели с ними контактов. Мы установили контакт с одним из таких "поздних" Раушенбахов.

Вера Михайловна: Нам пришло письмо, а так как Борису Викторовичу этим некогда было заниматься, то он дал адрес своей сестры, и они с ней переписывались. Сейчас он уехал в Германию.

Борис Викторович: Но продолжает с ней переписываться. Это родственник от второго брака деда, то есть мой "полудвоюродный" брат.

Бернгардт: А вот Раушенбах 1854 года был врачом.

Вера Михайловна: Мы знаем, что в Москве сейчас тоже есть какой-то Раушенбах, врач по профессии, онколог, который не захотел идти с нами на контакт.

Борис Викторович: Да, он в каком-то смысле даже сопротивлялся этому. Валентин Эдуардович собирал всех Раушенбахов, но тот отказался.

Бернгардт: Наверное, сказал, что не считает себя немцем и так далее. Встречаются такие.

Борис Викторович: Да, что-то в этом духе.

Вера Михайловна: Дескать, отстаньте от меня!.. Но он, наверное, тоже какой-то родственник.

Борис Викторович: Конечно, я же говорю: в Россию приехал один Раушенбах. Так что все Раушенбахи, живущие в России, родственники. Отличия только в степени родства.

Вера Михайловна: Когда Борис Викторович был на какой-то международной конференции, туда приехал один Раушенбах из Швейцарии. Но потом он заболел раком. А

женат он был на индуске Лакшми. Она приезжала сюда, и мы встречались с ней у Валентина Эдуардовича.

Борис Викторович: Так что у нас есть родственница-индуска Лакшми. У нее даже красное пятнышко на лбу. Это какой-то кастовый признак, правда, не знаю, что он означает...